

На правах рукописи

НЕГМАТОВА СУРАЙЁ МИРЗОЭРГАШЕВНА

**МОДАЛЬНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ
В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Душанбе – 2021

Работа выполнена на кафедре иностранных языков
Национальной академии наук Таджикистана

Научный руководитель: Джамшедов Парвонахон, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты: Каримов Шухрат Бозорович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории перевода и стилистики Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни;

Худоева Наргис Нагзибековна, кандидат филологических наук, начальник кафедры языков Военного института Министерства обороны Республики Таджикистан.

Ведущая организация: Таджикский государственный институт языков им. С. Улугзода

Защита диссертации состоится « _____ » 2022 года в 14:00 часов на заседании Диссертационного совета Д 047.004.02 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата филологических наук на базе Института языка и литературы имени Рудаки НАНТ (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки 21).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке института имени Индиры Ганди Национальной академии наук Таджикистан (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки 21) и на сайте Института языка и литературы имени Рудаки (www.iza.tj).

Автореферат разослан _____ 2021 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Жамила Шарифова

Дж.Дж. Мурувватиён

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена исследованию категории модальности и средств его выражения в языках различного строя.

Актуальность темы исследования связана с теоретическим и практическим значением изучения категории модальности и средств ее выражения в языках различного строя. Постоянный интерес языковедов к изучению модальности обусловлен тем, что модальность является одной из центральных категорий языкознания, категорией, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания и отношению содержания высказывания к действительности. Модальность содержит такой большой круг значений, что возникает необходимость более тщательного их изучения. Многочисленные работы по исследованию разнообразных языковых средств выражения модальности, представленных в современном таджикском языкознании, в основном, шли по линии уточнения и детализации, в результате чего был накоплен большой языковой материал. Однако полученные данные не составляют ясной и цельной картины.

Недостаточная концептуальная оформленность, рассматриваемой категории, недостаточная изученность вопроса о функционировании и взаимодействии широкого спектра средств ее выражения обуславливают необходимость дальнейшего изучения лингвистической категории модальности и определяют актуальность темы данного исследования.

Степень разработанности проблемы. Изучение модальности имеет давнюю традицию. Так, исследованием модальных значений занимались многие лингвисты. Среди русских ученых к ним, в частности, относятся Е.И. Беляева, В.Н. Бондаренко, Т.В. Булыгина, В.В. Виноградов, Анна А. Зализняк, Г.А. Золотова, И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер, Е.В. Падучева, В.А. Плулунган, И.Б. Шатуновский, А.Д. Шмелев, С.Н. Цейтлин, среди зарубежных – Дж.Л. Байби, Ш. Балли, А. Вежбицкая, М. Грегг, Дж. Коатс, Дж. Лайонз, Ф.Р. Палмер, В. Пальюка, П. Перкинс, Е.Е. Суитсер, А. Тимберлейк, С. Чанг и др. В работах перечисленных авторов, однако, нет единого мнения о том, какие значения отнести к группе модальных.

Академик Л.В. Щерба отмечает, что «в родном языке нечего подмечать: в нём всё просто и само собой понятно и ничто не возбуждает никаких сомнений, однако второй язык, изучаемый в сопоставительном плане, помогает вскрыть разнообразные средства выражения и в родном языке»¹ [с. 44].

Объем, который охватывает модальность является крупным и неоднозначным, также, как и грамматический статус. Функционально-семантическая категория в краткой форме определяется как «ФСК», она выражает распространенные различные связи в процессе от озвучивания и до са-

¹ Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]: Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. - 427 с.

мого совершения действия. Непосредственно видно всю значимость роли модальности в речи.

Исследование категории модальности и способов её выражения тесно связано со многими проблемами. Это вопросы предикативности, логического зрения, смысловой структуры предложения, наклонений, модальных глаголов, модальных слов, частиц, отличия от эмоциональности и их возможных перекрещиваний. Эти вопросы, как в плане синхронии, так и в плане диахронии, особенно в таджикском языке, остаются непонятными и спорными, потому что в современном таджикском литературном языке категория модальности до сих пор недостаточно изучена, хотя в существующей научной и учебной литературе в данное время имеются работы таджикских учёных-лингвистов: С.И. Баевский (1953), Б. Ниёзмухамедов (1970), И.И. Норова, А. Халилов (1964), М. Ибрагимова (1978), А.З. Розенфельд (1963) и др.

Способы и средства выражения категории модальности в различных языках весьма многочисленны и разнообразны. Повышенный исследовательский интерес к категории лингвистической модальности, особенно в сопоставительном аспекте, определяет *актуальность* настоящего исследования.

Цель работы состоит в анализе средств выражения модальности в языках различного строя согласно их принадлежности к определенным видам модальности.

Для достижения поставленной цели в настоящей работе решались следующие **задачи**:

- рассмотреть существующие концепции модальности, взгляды учёных на сущность категории модальности в языках различного строя;
- установить семантический диапазон модальных единиц;
- раскрыть средства выражения модальности с точки зрения их семантических и универсальных особенностей в языках различного строя;
- обнаружить и установить общие и специфические особенности и различия в средствах выражения модальности в сопоставляемых языках.

Объектом исследования выступили средства и способы выражения категории субъективной модальности в языках различного строя, структурно-семантические особенности, морфологические и функционально-семантические типы и способы репрезентации в изучаемых языках

Предмет исследования - категория модальности, её общие, частные и специфические особенности в языках различного строя.

Рабочая **гипотеза** строится вокруг следующей концепции: в сравниваемых языках модальность выражает отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания, имеющая соответствующее семантическое наполнение, способы и средства выражения в языках различного строя.

Методы исследования. В диссертации используется комплекс общенаучных, общефилологических и частных методов: методы наблюдения, сравнения,

синтеза, метод лингвистического анализа художественного текста, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа.

Материалом исследования послужили художественные тексты: русских писателей - «Записки охотника» И.С. Тургенева, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Униженные и оскорблённые» Ф.М. Достоевского, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Рассказы» А.П. Чехова; таджикских писателей - «Асарҳои мунтахаб» («Собрание сочинений») С. Айни, «Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро» («Двенадцать ворот Бухары») Дж. Икрами, «Хамида» Р. Джалила, «Ҳикояҳо» («Рассказы») П. Толиса, «Палатаи кунҷакӣ» («Угловатая палата») Ф. Мухаммадиева и др. В работе использованы также словари русского и таджикского языков, толковые и двуязычные словари: «Лингвистический энциклопедический словарь» (гл. ред. В.Н. Ярцева); Г.Д. Томахин, «Лингвострановедческий словарь» С.И. Ожегов, Ю.Н. Шведова; «Толковый словарь русского языка»; «Таджикско-русский словарь» // Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской; «Фарханги забони тоҷикӣ» и др.

Новизна диссертационного исследования обусловлена рядом факторов: предпринят комплексный сравнительный анализ модальных слов с учётом их структурно-семантических свойств и функциональных особенностей в современном в языках различного строя; описаны структурные, семантические и функциональные особенности средств выражения модальности в языках различного строя; представлено сопоставление разнообразных типологических признаков, экспликация оснований вывода о феномене категории модальности в лингвистическом плане.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что её результаты вносят значительный вклад в структурно-семантический анализ модальности в разноструктурных языках, выявлении особенностей их употребления в речевом акте, расширении представления о лексико-грамматических компонентах и средствах выражения категории модальности. Предпринята попытка систематизирования модальных единиц, их семантики в сравнительном аспекте. В работе конкретизирована суть языковой модальности, структура и семантика модальных единиц.

Практическая ценность диссертации обусловлена возможностью использования результатов и выводов исследования в преподавании вузовских курсов, определенных разделов практической и теоретической грамматики языков различного строя в сравнительном аспекте, при разработке спецкурса по функциональной грамматике разноструктурных языков, в теории и практике перевода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные типы отношения высказывания к действительности, а также субъективную оценку сообщаемого.

2. Субъективная модальность показывает отношение говорящего к сообщаемому и является факультативным признаком высказывания. Значения, со-

ставляющие содержание категории модальности в разноструктурных языках неоднородны, выражают многообразные виды эмоциональной (иррациональной) оценки и реакции.

3. План содержания субъективной модальности, как категории оценочности, составляют субъективно-модальные выражения уверенности / неуверенности в достоверности высказывания, в реальности/ирреальности сообщаемого события, с различными оттенками значений: возможности, желательности, предположительности и т.д., образующие соответствующие модальные микрополя.

4. На лексико-грамматическом уровне осуществление субъективно-модальных значений в рассматриваемых языках происходит посредством модальных слов, модальных глаголов, фразеологических оборотов, модальных частиц и модальных междометий.

5. В сопоставляемых языках некоторые лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности имеют типологическое сходство, но вместе с тем наблюдаются и расхождения, связанные с особенностями грамматической структуры рассматриваемых языков.

Методологическая основа исследования. Общетеоретической основой данной работы послужили теоретические и методологические исследования таджикских и русских учёных - лингвистов (В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, Л. Блумфильд, А.Х. Востоков, Е.М. Галкин-Федорук, В.Гак, А.А. Потенба, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Н.М. Шанский, Б. Ниёзмухамедов, Н. Маъсуми, М.Н. Касьмова, М. Исмагуллоева, Ф. Зикриёев, В.С. Расторгуева, А.З. Розенфельд, М. Ибрагимова, А. Халилов, Д.С. Негматова и др.). В трудах вышеназванных учёных категория модальности исследована как функционально-семантическая категория с точки зрения языковых средств и способов выражения данной категории в целом.

Личный вклад соискателя в получении результатов, изложенных в диссертации, состоит в участии в обсуждении цели и задач исследования, в получении и обсуждении результатов, изложенных в диссертации, в формулировке ее основных положений и выводов, в опубликовании полученных результатов. Автором лично проведена обработка, анализ и систематизация, полученного материала. Основные положения диссертации неоднократно докладывались автором на международных и республиканских конференциях в виде докладов.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана (протокол № 02 от 29 января 2021 г.). По теме диссертации опубликованы 3 статьи в изданиях из перечня ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении диссертации обосновывается актуальность проводимого исследования; формулируются его цель и задачи; определяется объект и предмет диссертации; обосновывается выбор практического материала и методов исследования; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации диссертационного исследования.

Глава I «Теоретические основы исследования модальности в лингвистической науке» посвящена определению содержания понятия модальности в лингвистической науке. Освещаются основные подходы в определении категории модальности: узкий и широкий, излагаются взгляды таджикских и русских ученых на категорию модальности, приводится позиция автора работы, который в своем понимании модальности солидарен с учеными, рассматривающими данную категорию на основе функционального подхода к анализу языковых фактов.

В разделе 1.1. «Развитие конструкций с модальными глаголами в германских языках» рассматриваются вопросы, связанные с перестройкой системы наклонений, германских языков, где изучается процесс развития класса модальных глаголов, частичной десемантизации и развития их структурных функций.

Отмечено, что типологические особенности отдельных языков заключались, во-первых, в неодинаковой интенсивности обоих процессов, причем между интенсивностью того и другого процесса наблюдается прямо пропорциональная зависимость. Во-вторых, не совпадают структурные функции модальных глаголов. Участие модальных глаголов в большинстве языков в образовании кондиционалиса не могло не повлиять на возможность их использования в функции выражения внутренней модальности; например, в современном английском языке употребление модальных глаголов «shall и will» в качестве модальных сильно ограничено по сравнению с немецкими *sollen* и *wollen*, что связано с их использованием в качестве вспомогательных глаголов при образовании футурума и кондиционалиса. Параллелизм двух указанных процессов свидетельствует прежде всего о тесном взаимодействии грамматики (в данном случае морфологии) и лексики. Как в той, так и в другой области протекает процесс развития от более низкой к более высокой степени абстракции.

Особое положение занимают конструкции с модальными глаголами, выражающие косвенное побуждение (в-3 л. ед. или мн-ч-) или же приглашение к совместному действию (в 1 л. мн; ч.), так как соответствующие формы императива отсутствуют во всех древних западногерманских и скандинавских языках. В данном случае конструкции «модельный глагол + инфинитив» соотносимы с соответствующими формами опатива ли индикатива, пополнившими впоследствии парадигму императива.

Конструкции с глаголом долженствования в 3 л. ед. и мн. ч. встречаются во всех языках. Пример: «*He had to go to see his mother*» – «*Он должен по-*

ехать увидет маму»; др. - шв. «*konungars radh skal man tiya*». «*Нужно провозгласить решение короля...*»; др.-исл. «*Vin sinom skal madr vinn vera*» - «*Другу следует платить дружбой*».

Параллельное употребление 3 л. оптагива и конструкции со «*sculan u magan*» наблюдается, например, в др.-англ. «*tan*» - «*Тот, кто убьёт своего отца или свою мать, должен заплатить смертью*» и «*Se mon se be his jewældes monnan ofslea, swalte se deabe*» («*Человек, который убьёт человека своей властью, должен умереть*» (из законов) - «*meaj jehyre se be wylle*». Также продолжается конкуренция модальных глаголов долженствования (например, англ. *shall u must*). Ср.: «*Thou shalt not stir one foot to seek a foe*» и «*You must contrary me! marry, tis time*». Далее, модальный глагол долженствования *shall* постепенно вытесняется глаголом *must*. Если первый из них в большинстве языков вошел в аналитическую форму будущего и кондиционалиса, то второй закрепился как средство выражения побуждения. Однако в большинстве языков конкуренция *shall* и *must* продолжается. Так, в современном английском «*shall* + инфинитив» занимает первое место среди эквивалентов императива. Однако исторически его продуктивность снижается за счет употребления «*must*».

Пример: «*You must take her back to the palace*» (B. Shaw); «*You must read the thing, I couldn't put it down*» (J. Galsworthy).

В языках, где формальная маркированность императива сохранилась, конструкции с модальными глаголами вытесняют полностью (в условиях трехчленной оппозиции индикатив/ирреалис/императив) или частично (в условиях четырехчленной оппозиции индикатив / ирреалис / субъонктив / императив) формы императива, восходящие к оптагиву (1 и 3 л.). Так, в современных датском, шведском, норвежском и нидерландском языках парадигма императива включает лишь формы 2 л. ед. и мн. ч., либо единую форму для 2 л. обоих чисел. Глагол «*хотеть*» почти во всех германских языках выступает главным образом подчеркнуто вежливых формах обращения. Ср. нем. «*Wollen Sie, das Gedicht aufsagen!*» (Th. Mann); англ. «*Will you open the door, please*» (B. Shaw), шв. «*Prinsessa. vill ni nu gifta er med mig?*» («*Франска сагор*»). О частичной десемантизации глагола «*хотеть*» свидетельствует отсутствие прямого ответа собеседника о желании / нежелании совершить действие. Ср. англ. «*Do you want to sell me the books? – No I don't*».

Конструкции с модальными глаголами служат средством передачи чужой речи, за достоверность которой автор не ручается. Подобные конструкции встречались еще до образования субъонктива, к примеру: др.-англ. «*same men saedon, ðaethe sceolde beon gefangen*» - «*Некоторые говорили, что его взяли в плен*» - «*Бааъзехо мегуфтанд, ки гуё уро ба асири гирифта бошанд*». Данные конструкции отличались от форм оптагива субъонктива тем, что выражали большую степень сомнения. История подобных конструкций была неидентичная в разных языках и зависела прежде всего от других структурных функций данных модальных глаголов. Так, в английском, где сочетания «*shall u*

will» с инфинитивом развиваются в аналитическое будущее время, сочетания «*should u would*» с инфинитивом — в кондционалис, функция передачи косвенности высказывания переходит к другим лексическим средствам. В ряде языков происходит замена одного модального глагола другим.

При передаче косвенной речи без оттенка сомнения во всех языках, где нет субъюнктива, употребляется индикатив или ирреалис. Сочетания же с модальными глаголами, обнаруживающие некоторую степень грамматикализации, не могут рассматриваться как формы наклонения, а представляют собой устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. Таким образом, конструкции с модальными глаголами, соответствующие императиву, оптативу, субъюнктиву, не обнаруживают той степени морфологизации, которая позволила бы считать их аналитическими формами. Поэтому наряду с тенденцией к совпадению форм оптатива (субъюнктива) и императива с индикативом, во всех языках существует также тенденция к переходу функций этих форм к конструкциям с модальными глаголами, обнаруживающим некоторую степень морфологизации.

Взаимосвязь модальных глаголов с наклонениями является неоднородной. В своем значении модальные глаголы обладают некой схожестью к императиву, оптативу, субъюнктиву, нежели в сравнении с ирреалисом. Несмотря на более обильную действенность в сотрудничестве с ирреалисом, это происходит в итоге того, что развитие происходит быстрее. Несомненно, две эти категории - наклонение и модальные глаголы взаимодействуют между собой, сохраняя свою специфику - степень абстракции модальных понятий, проявляющаяся в разных видах.

Для четкой иллюстрации внешней и внутренней модальности имеет определенную специфику в случае, если наблюдается сочетание с категорией наклонения. В виде примера рассмотрим английский и немецкий языки, где проявляется внутренняя модальность глагольными средствами; внешняя модальность вследствие наличия наклонений, кондционалис, восходящий к конструкции с модальным глаголом долженствования. Что касается немецкого языка, то изображение внешней модальности наблюдается только посредством наклонений, стоящие в любой форме; местами пропадая, имеет реальный вид и сочетается с глаголами внутренняя модальность.

В разделе 1.2. «Исследования категории модальности в таджикском, русском и английском языках» изучены категории модальности в таджикском и русском языках.

Вопросы модальности и средств её выражения является сложной категорией с точки зрения её языковой реализации, круга входящих в неё значений и характера взаимовлияния с другими языковыми категориями. Это можно, например, наблюдать в процессе использования модальных глаголов (например, в русском: «*может, должен*», в таджикском – «*тавонистан, донистан*). Имеются различия от применения других модальных слов (например, в русском языке: «*кажется, пожалуй*»; в таджикском – «*ба ҳаёлам, мумкин*»).

В данном разделе диссертантом проанализированы существующие концепции модальности, обобщены представленные в русистике и в таджикском языкознании точки зрения учёных на данную категорию, определен её семантический диапазон, сопоставлены средства выражения модальности (персуазивности) в таджикском и русском языках. При описании категории модальности автор диссертации исходит из понимания модальности как функционально-семантической категории, выражающей отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего – объективная модальность со значением реальности и ирреальности; отношение говорящего к содержанию высказывания – субъективная модальность.

Здесь же высказано мнение о том, что функция категории модальности состоит в том, что даёт определённую характеристику высказыванию (речи). А выражается эта функция посредством семантики лексических и грамматических средств. Так, метод функционально-семантического подхода состоит в особом интересе к смысловой стороне языковых явлений, идёт поиск связи между смыслом и формой, причём функциональная грамматика берёт смысловой элемент в качестве основного.

В.В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» классифицировал средства выражения модальности и наметил их функциональную иерархию, включив данную категорию в сферу синтаксиса, где она устанавливает позицию говорящего по отношению к действительности. В.В. Виноградов использует как синонимы термины «модальные значения», «модальные оттенки», «экспрессивно-модальные оттенки», к которым причисляет «всё то, что связано с отношением говорящего к действительности», к примеру, значение желания, намерения, стремления произвести или производить какое-нибудь действие, изъявление воли к осуществлению какого-нибудь действия, просьба, повеление, приказание, эмоциональное отношение, эмоциональная характеристика, морально-этическая оценка, эмоционально-волевая квалификация действия, значения ирреальности (гипотетичности), значения уступки, допущения, обобщения, заключения, количественная и качественная оценка отдельных мыслей из состава сообщения.

При определении данной категории следует, в первую очередь, анализировать значение лексем и способы их функционирования в языке. Далее – оценочное отношение реального объекта действительности и субъективного способа его выражения. Например,

Говорящий может зафиксировать любой реально существующий факт:

«- *Сегодня утро очень холодное*» - «*Имруз хаво хеле хунук аст. То day is cold*».

«- *Надвигаются чёрные тучи.* - *Абрҳои сиёҳ осмонро паҳи карда истодаанд. Black clouds are covering the sky*».

в выражении также может быть обнаружена яркая экспрессия:

«- Не люблю такую погоду!» – «Ин хел хаворо дуст намедорам!» – « I don't lik ssach kind of weather»; «- Опять пойдёт дождь» - « Боз борон меборад! Again it rains!».

Высказывания, построенные из аналогичных языковых единиц, могут содержать другие эмоции:

«- Как жаль, что сегодня утро холодное» // «- Афсус, ки имруз хаво ху- нук аст» // *It is pity that the weather is cold*”.

В таджикском языкознании вопросам специфики функционирования языковой модальности, её внутреннего членения и соотношения с другими категориями были посвящены труды ученых-лингвистов Б. Ниёзмухамадова, Н. Маъсуми, Ш. Рустамова, М.Н. Касымовой, М. Исмагулоевой, Ф. Зикриёева, В.С. Расторгуевой, А.З. Розенфельда, М. Ибрагимовой, А. Халилова и многих др. Анализируя модальность в таджикском языке на основании фактического материала, значение и способы их выражения как синтаксической категории, выражающей отношение высказывания к действительности, с точки зрения говорящего, можно присоединиться к широко распространенному мнению о выделении трех аспектов модальности в речи которые заключаются в следующем:

- объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности в плане реальности. Эти значения обычно выражаются формами предложения;
- субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к действительности, истинности сообщения. Этот способ выражается в основном лексико- грамматическими средствами или содержится в структуре предложения имплицитно;
- вторичная модальность, которая выражает связь между субъектом и предикатом в ее отношении к действительности. Эти значения выражаются, как правило, лексическим значением слов различных частей речи в составе сказуемого и главного члена предложения.

Как в русском, так и в таджикском языкознании представляется несомненным наличие следующих взаимодействующих способов выражения модальности: морфологические, синтаксические — порядок слов и модальные значения, обнаруживаемые в разных типах структуры предложения, лексические, просодические.

Говоря о грамматической природе модальных слов, А.М. Бордович отмечает два основных пути формирования модальных слов:

1. Из сказуемого главного предложения в составе сложноподчинённого в результате утраты данным сказуемым предикативной функции.

2. Из наречий-обстоятельств в результате утраты обстоятельственной функции.

Первый путь образования модальных слов - это качественное преобразование структуры отдельных сложноподчинённых предложений в простые. Например, в разных по структуре предложениях: *«Возможно, что мещане об*

этом и не забывают» и *«Возможно, мещане об этом и не забывают»*. Второй путь возникновения модальных слов связан с утратой наречиями обстоятельственной функции: *«Это ужасно наверное – деревня»* // *«Это ужасно, наверное, деревня»* // *«This can probably be a village»*. В первом предложении *«наверное»* - наречие; во втором - модальное слово, выражающее предположение с оттенком вероятности.

Модальные слова в современном таджикском языке рассматриваются как особая лексико-грамматическая категория с присущими ей морфологическими, синтаксическими, семантическими и стилистическими признаками, возникновение и развитие которых связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения и приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков. В русском языкознании исследование опирается на классификацию В.В. Виноградова:

- Отглагольные: кажется, значит, видишь ли и т.д.
- Наречные: решительно, бесспорно, конечно и т.д.
- Отыменные: правда, словом, в частности и т.д.

В таджикском языкознании происхождение модальных слов исследовал Ш. Рустамов. В работе «Классификация частей речи и место имени существительного в их системе» Ш. Рустамов исследует происхождение (соотносимость) модальных слов и делит их на следующие группы: от имени существительного (*илохи, эхтимол, рости, афсус, афташ, хуло-са, халос, хайф, дарег, хайрият*); от прилагательного (*хайр, хуб, хуш, бешубҳа, бегумон, табиш, дуруст, рост*); от глагола (*бошад, шояд, бигуз-зор, биё, мон, раваду, рафту, хезаду*); от наречия (*вокеан, зохиран, тахминан, хақикатан, одатан, шахсан, хусусан, махсусан, аслан, зотан, тақрибан, табиатан, инсофан, ҳаётан, расман, нисбатан, зимнан, ҳатман и др.*).² [с. 73-86].

Пример: *«Афсус (it is a pity) ки, ман паррандагон барин парвоз карда на-метавонам»* – *«Жаль, я не умею летать как птицы. Аз афти кор, (may be) мо имруз хам ба сахро рафта наметавонем»* - *«Очевидно, мы и сегодня не сможем выйти в поле»*

Конкретнее, источники и пути пополнения состава модальных единиц таджикского языка представляются следующими:

1. За счёт различных лексических единиц самого словарного фонда таджикского языка. Этот процесс также можно считать длительным и довольно непростым. В частности,

а) слова, которые перешли в разряд модальных слов без фонетических изменений: *афсус, бас, дарег, кошки, ҳаргиз (как жаль, и всё, увы, правильно, если бы, никак)*.

² Рустамов, Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: Существительное в системе частей речи, грамматические категории, словообразование и синтаксические функции: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.02. - Душанбе, 1972. - 399 с.

б) многозначные слова, имеющие двоякий характер, т.е. выступающие в речи как полнозначные (как член предложения), так и как модальные единицы речи в соответствующих выражениях. К этой группе относятся, в основном, слова глагольного происхождения: *рост, дуруст, нагз, биё, биёед, бошад, набошад, мон, монед, раве, раведе, исто, исто ки и пр.*

в) переход аффиксальных слов, образованных с помощью суффиксов, префиксов, союзов, словообразовательных частиц, местоименных суффиксов, которые впоследствии стали составной частью этих элементов.

Например, словообразовательными суффиксами -и, -о: *«рости» (правда, на самом деле); «мабодо» (как бы, не дай бог, в случае), «дарезо» (жаль, как жаль, увь);*

- в сочетании с соединительным союзом -у: *«рафту, раваду» (как бы, вдру);*
- в сочетании с отрицательными частицами ма, на-: *магар (возможно, разве только, разве), мабодо (не дай бог, как бы);набошад (в таком случае, если так, а не то), наход (неужели);*
- в сочетании с глагольной приставкой -би: *бифармоед (прошу вас);*
- в сочетании с соединительным союзом ва и отрицательной частицей -на: *ва + гар + на = вагарна (а то, а не то, иначе, в противном случае)*
- в сочетании с предлогом ба: *ба рости (в самом деле);*
- в сочетании с подчинительным союзом ки: *наход ки (неужели), зўё ки (будто, будто бы, как будто, якобы), истед ки (подождите-ка), афеўс ки (как жаль);*
- переход фразеологических сочетаний: *аз афташ, аз афти кор (повидимому, как видно, очевидно), аз ду сар (обязательно), на ин ки (не только, неужели, не то что), ба ҳамин тарик, (таким образом) и пр.*

2. За счёт заимствованных лексем из других языков, в частности, узбекского языка.

Например, служебные слова - *ана, мана (вот, вон, эта), тўғри (правильно, хорошо)*, которые закрепились в словарном фонде таджикского языка: *ана халос (вот тебе на), ана ҳамин тавр (вот таким образом), ана аз ҳамин сабаб (вот по этой причине), ана гапу мана гап (вот тебе и раз)* и т.д., в которых ана является составной частью этих сочетаний.

3. Переход слов, заимствованных из арабского языка, в разряд модальных слов таджикского языка. Как отмечает А. Халилов, среди подобных модальных слов выделяются следующие группы:

а) слова, перешедшие без изменения: *ачиб, ачаб (удивительно), тавба (раскаяние), хайр (ладно), маъқул (благоразумно, приемлемо), ҳайф (жалько, как жаль, увь)* и др.

б) слова, перешедшие с арабским суффиксом -ан: *зоҳиран* (вероятно, по-видимому, очевидно), *аслан* (по сути дела, на самом деле, по существу), *нисбатан* (сравнительно), *табиатан* (естественно), *хақиқатан* (поистине, действительно, подлинно) и т.п.

в) слова, перешедшие с суффиксами -ат, -ят, -от, -ёт: *ниҳоят* (наконец, в конце концов), *хайрият* (добро, хорошо) и др.

г) некоторые арабские слова с таджикским словообразовательным суффиксом -и: *илоҳи* (как бы, если бы, дай бог, только бы).

д) слова с таджикским суффиксом -о: *ачабо* (странно, удивительно, поразительно), *ҳайфо* (жаль, жалко, как жаль), *илоҳо* (как бы, только бы), *ҳақ* (несомненно, правда).

е) арабские слова, принявшие таджикский местоименный суффикс -аш (-ат, -атон, -ашон): *аслаш* (в самом деле), *майлаш* (ладно, хорошо) и др.

ё) арабские слова в сочетании с таджикским предлогом дар: *дар воқеъ* (между прочим), *дар ҳақиқат* (на самом деле, действительно) и др.

ж) арабские слова в сочетании с таджикским предлогом ба: *бахайр* (хорошо, ладно - выражения согласия, одобрения).

з) арабские слова в сочетании с предлогом бе: *бешубҳа*, *бешак* (несомненно, бесспорно, безусловно).

и) арабские слова в сочетании с подчинительным союзом ки: *хайрият ки*, *модам ки*, *хусусан ки* и т.д.³ [с. 40-46].

В основном в таджикском языке самым распространенным способом изменения слов являются аффиксы, но в случае модальных глагольных слов, подобно наречиям они не служат словоизменятельной функцией, так как уже внедрены в сам состав слов. Например: *аз ду сар, бе шубҳа* (несомненно), *эҳтимол дорад* (может быть). Компоненты этих сочетаний принадлежат к различным частям речи. При образовании таких фразеологизированных сочетаний их компоненты теряют своё конкретное лексическое значение и в целом приобретают новые модальные значения и оттенки. К категории таких лексем в таджикском языке относятся слова «*рост, дуруст, мон, рав, биё*» и ряд других, которые имеют двойное значение. Ср.: «*Ман рахро ба ту нишон додам, ту акнун рост рав*» – «*Я дорожку тебе показал, ты теперь прямо иди*» - «*Рост, ман хам шаҳиди ин ходиса будам*» – «*Правильно, я тоже был свидетелем этой истории*».

В первом предложении слово «*рост*» является наречием и выполняет функцию обстоятельства. Во втором – слово «*рост*» является модальным словом, подтверждающим высказывание субъекта речи. В современном таджикском языке в составе модальных слов глагольного происхождения нет заимствованных, все они принадлежат данному языку и имеют двузначный характер:

³ Халилов, А. Способы выражения субъективной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов; Отв. ред. В. А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1985. - 92 с.

употребляются и как члены предложения (в качестве полнозначного глагола), и в качестве модальных слов.

Ср.: «*Ман бошам, бо онҳо алоқаи ғайрирасми мекардам*» (С.Айни, Асарҳо). – «*Я же с ними и мел неофициальную связь*».

«*Бисёр мехоҳам, ки дар он ҷо бошам*» – «*Очень хочу там быть*» – «*I would like to be there*».

Глаголы в английском языке: «*can/could*», «*may/might*», «*must/ought to/need*» в переводе на таджикский выглядят следующим образом: «*тавонистан*», «*лозим аст ки*», «*бояд*», «*шояд*», «*зарур (будан)*», «*ҳатман*» и т.д. Все они подразумевают, в зависимости от конкретного именно слова, использованного в предложении, такие смыслы как возможность действия, обязательная необходимость и заведомое подтверждение на его выполнение. Покажем несколько примеров: «*Selena can be able to enter there* – *Селена метавонад онҷо дарояд* – *Селена может туда зайти*».

В этих примерах глагол *can* выражает способность и переводится на таджикский язык *тавонистан* (*метавонам, метавонад*). В таджикском языке модальный глагол «*тавонистан*» спрягается, в то время как модальные глаголы английского языка не имеют личных форм, форм инфинитива, причастия и герундия. Во избежание ошибок необходимо знать значения *can*, *may*, которые на таджикский язык переводятся как *тавонистан*, а *may* имеет ещё и значение «*мумкин*»:

«*Ман метавонам ба он ҷо равам*» - «*I can go there*» - «*Ту метавони ба он ҷо рави*» - «*You can go there*» - «*Мумкин (ми) дароям?*» - «*May I come in?*»

Как видно, в двух первых примерах «*can*, *may*» переводятся словом «*тавонистан*», а в третьем примере «*may*» переводится. Поэтому следует подчеркнуть, что в отличие от «*can*» (*тавонистан*), модальный глагол «*may*» выражает разрешение совершить действие, обозначенное смысловым глаголом, и в этом случае он на таджикский язык переводится словом *мумкин*: «*Ман бо равам, мумкин-ми?*» – «*May I go with you?*».

Отрицательная формы модального глагола «*need*» могут образовываться при помощи вспомогательного глагола (*to do*) в соответствующей форме, притом смысловой глагол в этом случае употребляется с частицей «*to*». Может выражать также необходимость совершения действия и соответствует в таджикском языке словам «*лозим*», «*зарур*», «*эҳтиёҷ доштан*», «*даркор*», в зависимости от контекста: «*Ба ин ҷо омадан у шарт нест*» - «*Ба ин ҷо омадани у зарур нест*» - «*She need not come here*». Модальный глагол «*ought*» (*бояд*) выражает моральный долг совет. Например, «*She ought to come In time*» – «*У бояд дар вақташ ояд*». «*Ought*» перфектный инфинитив выражает порицание или упрек по адресу какого-нибудь лица, не выполнившего свой долг или поступившего, по мнению говорящего, неправильно: «*Шумо мебоист Салимро (хатман) бинед*». (*Салимро дидани шумо лозим буд. Ба шумо лозим буд, ки Салимро бинед*.) «*You ought to have seen Salim*».

Как видно из примеров, модальный глагол *ought* с перфектным инфинитивом можно передать на таджикский язык несколькими вариантами, и каждый из них имеет свою стилистическую окраску. Кроме того, в отличие от таджикского языка, вспомогательные глаголы английского языка «*to be, to have*» широко употребляются в качестве модального глагола.

Модальный глагол «*to have*» используется, когда имеется ввиду некая необходимость совершить действие: «*Lina may come*» - «*Лина шояд омада монад*» – «*Лина может придти*».

В данном случае слово «*шояд*» повышает степень возможного совершения действия, то есть Лина скорее всего придет. В состав модальных глаголов зачисляются такие как: «*must*», «*shall*», «*will*» «*may*», «*can*» и другие. Глагол «*Shall/will*» в предложении, находясь впереди начальной формы глагола, не имеют значительных различий, как если бы вместо «*Shall/will*» использовался глагол «*can*». В случае, когда речь исходит от второго или третьего лица, выражая непереносимость, неотъемлемость и т.д., то глагол «*shall*» приходится в пору. Он имеет значение обещания, предостережения и высказывания угроз, к примеру: «*My cousin shall study well – бародари ман ҳатман бояд хуб таҳсил кунад – мой двоюродный брат непременно должен учиться хорошо*».

В таджикском языкознании также нет единого мнения по этому вопросу. Например, в таджикском языкознании одни исследователи делят модальные слова по семантическим признакам на 11 групп (Халилов, 1964), другие – на 3 группы (Ибрагимова).

В русском языкознании наиболее адекватно оценивающим и более схожим с нами взглядом на данную тему является взгляд М. Ибрагимовой. Ее цитируют во многих учебных пособиях, по ее теориям учат в большинстве образовательных учреждениях.

Итак, она придерживается следующих делений слов модального качества:

«1. Выражающие уверенность, утверждение действительности: *албатта, рости, ба рости, ҳақиқатан, дар воқеъ* и т.д. Например: «- *Албатта ин вазифаро бояд иҷро намоед*» // «- *Неприменно вы должны выполнить это задание*».

Выражающие неуверенность, предположение, возможность, сомнение: *бояд, мебоист, шояд, зохиран, ҳамоно, мумкин, эҳтимол, аз афти кор* и т.д. Например: «- *Шояд, ки андак замон ман ҳам меоям*» // «- *Возможно, когда-нибудь я тоже приеду*».

3. Выражающие вежливое обращение, просьбу: *мархамат, мархамат карда, илтифоте кунед, лутфан, хоҳишмандам, бифармоед* и др.⁴ [с.1-22]. Например: «-*Лутфан, ишносномаатро гиред*» // «- *Возьмите пожалуйста паспорт*»;

⁴ Ибрагимова, М.С. Способы выражения модальности в русском и таджикском языках. — В помощь учителю русского языка в таджикской школе. — Душанбе: 1965, № 4.

При сопоставлении модальных частиц русского и таджикского языков, мы обнаружили, что они в большинстве случаев эквивалентны. Пример: «*Я видел точно такую же книгу*» - «*Ман айнан хамин хел китобро дида будам. Так, мы с вами не так договаривались*» - «*Хуш, маслихати мо ин тавр набуд*».

М. Ибрагимова, проанализировав состав модальных частиц по происхождению, делит их на 5 групп:

а) соотносимые с наречиями (*кани, низ, боз, фақат, танҳо*);

б) именного происхождения (*ҳамту, ҳамин тавр, хайр, майлаш, ҳуб, ҳӯш, дуруст, охир*);

в) соотносительные с глагольными формами (*мон, монед, биё, биёед, биззор, мабодо, наход, рафт, раваду, зӯё*);

г) соотносимые с местоимениями (*чи, худ, як*);

д) соотносимые с союзами (*ки, магар, ҳатто, балки, кошки*).

В.С. Расторгуева детально описывает систему таджикского глагола и отличает основные модальные значения, выражаемые формами наклонения⁵ [с. 166].

С.И.Баевский исследовал модальные глаголы персидского языка *хостан, тавонистан, шоистан, боистан*⁶ [с. 21]. А. Халилов подробно описал субъективно-модальные значения модальных единиц таджикского языка⁷ [с. 1-106]. В грамматике современного таджикского литературного языка, в отличие от русского, выделяется 4 наклонения: изъявительное, повелительное, условно-желательное и предположительное⁸ [с. 130]. Но в ряде работ некоторые авторы рассматривают, и пять наклонений - изъявительное - *сизаи хабари*, повелительное - *сизаи амри*, условное - *сизаи шартӣ*, желательное - *сизаи хоҳишмандӣ*, предположительное - *сизаи эҳтимоли*⁹ [с. 89]. В русском языке изъявительное наклонение может функционировать в настоящем, будущем и прошедшем временах. Примеры предложений в изъявительном наклонении, стоящие в настоящем времени: «*Юристы защищают права граждан страны*» – «*Ҳуқуқшиносон ҳуқуқҳои шаҳрвандони кишварро ҳимоя мекунанд*»; в будущем времени: «*Было ясно, что ты сдашь экзамен на «отлично»*» – «*Маълум буд, ки ту имтиҳонро ғайб мекунорӣ*»; в прошедшем времени: «*Мы читали эту газету вчера – Мо ин рӯзномаро дина хонда будем*» // «*Сергей два года назад работал много – Ду сол пеш Сергей бисер кор мекард*».

⁵ Расторгуева, В.С. О формах конъюнктива (согласительного наклонения) в современном таджикском литературном языке. - Очерки по грамматике таджикского языка, вып. 2. - Сталинабад: АН Тадж. ССР, 1953.

⁶ Баевский, С. И. Модальные значения глагольных форм современного персидского языка [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1954. - 16 с.

⁷ Халилов, А. Способы выражения субъективной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов; Отв. ред. В. А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1985. - 92 с.

⁸ Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (барои мактабҳои оли). – Душанбе: Дониш, 1985. - 385 с.

⁹ Ниёзмухаммедов, Б. Забоншиносии тоҷик (асарҳои мунтахаб). - Душанбе: Дониш, 1970. с.89.

К модальным единицам, выражающим сомнение, предположение или неуверенность в сообщении говорящего относятся: «*гуё*» (*как будто*), «*бояд, мебоист, боист*» (*должно быть*), «*зохиран, тахминан*» (*предположительно*), «*мабодо, одатан, рафту, раваду, эҳти.мол*» (*может быть, возможно*), «*шояд, шояд ки*» (*вероятно*), «*аз афтаи*» (*по-видимому*), «*мулкин аст*» (*пожалуй*), «*аз афти кор*» (*очевидно*) и др.

Они аналогичны с модальными единицами русского языка. В этом же разделе также рассмотрены модальность желания (оптатив) в таджикском языке в контрастивном сопоставлении с русским языком» (подраздел 1.2.1), модальное слово мабодо» (подраздел 1.2.1.1), модальное слово кошки/кошки (подраздел 1.2.1.2), лексико-синтаксические и фразеологические средства оптатива» (подраздел 1.2.1.3).

В разделе 1.3. «Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности» рассмотрены модальные слова в виде фразеологических словосочетаний, идиом. Модальные могут выражать эмоциональное отношение говорящего к высказыванию (огорчение, удивление, радость, восхищение, печаль, досаду, негодование и пр.). Например, модальный фразеологизм «*к счастью*» выражает субъективно-модальное значение радости, облегчения. Это положительное отношение говорящего.

« - *Но, к счастью, никто его не заметил*» (*И. С. Тургенев, Записки охотника, 1852*)

«*И оказалось, что он, к счастью, ещё не ушёл*» (*М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита*)

По семантике модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональные отношения говорящего, можно разделить на две группы: модальные фразеологизмы, выражающие положительное отношение говорящего к высказыванию (радость; восхищение; удовольствие; восторг; удовлетворение; гордость; успокоение; торжество; облегчение и пр.); модальные фразеологизмы, выражающие отрицательное отношение говорящего к высказыванию (сожаление; досаду; огорчение; возмущение; гнев; упрек; укоризну; негодование; пренебрежение; злобу; раздражение; недоумение и т.д.).

Модальные фразеологизмы самый большой класс, выступающий как средство выражения субъективно-модальных значений в русском языке. В таджикском языке фразеологические единицы также могут выражать субъективно-модальные значения. К модальным фразеологическим единицам таджикского языка можно отнести: «*би таври ин*» (*наверняка, определенно*), «*аз афти кор*» (*по-видимому, вероятно*), «*дар амади гап*» (*кстати*), «*бе чуну чаро*» (*несомненно*), и т.д. По структуре эту категорию модальных фразеологических единиц можно разделить на две основные группы: а) фразеологические единицы изафетной конструкции; б) фразеологические единицы конструкции примыкания, глагольные и предложные сочетания¹⁰ [с. 8-17].

¹⁰ Фарханги забони тоҷики. В 2-х т. - М.: Советская энциклопедия, 1969.

Глава II «Средства и способы выражения субъективной модальности в таджикском и русском языках» состоит из четырёх разделов.

Раздел 2.1. «Категория наклонения как средство выражения субъективной модальности» посвящен способам выражения, к которым относятся: способ примыкания к частицам, предложениям, вводным фразам, более распространен способ сочетания их со сложносочиненными, сложноподчиненными словосочетаниями с придаточным действия, такие предложения обычно несут в себе оказание сарказма, удовлетворения, задумчивости, поражения и т.п. Также в данном разделе изучены все остальные способы использования модальных глагольных слов, не только состоящие в синтаксических отношениях, но и морфологические и лексические их особенности. В выражении модальности речи важная роль принадлежит особой категории глагола – наклонениям, который можно считать основным грамматическим средством выражения модальности, с одной стороны – изъявительного, с другой - условно - желательного и побудительного.

Изъявительное наклонение подразумевает невыдуманное, обыденное явление, оно может менять синтаксическую форму в связи с временем, в котором употребляется, а это – прошедшее, настоящее и будущее времена. Пример: «Несмотря на непогоду, минусовую температуру и гололедицу, местные школьники активно посещают занятия, выполняют домашнее задание и показывают весьма положительные итоги учебного полугодия». Одной из индивидуальных особенностей **изъявительного наклонения** является то, что в своем употреблении оно не усложняет работу говорящего и не расставляет запретов при выражении лексико-грамматическими средствами и средствами контекста различных модальных оттенков.

Формы повелительного наклонения некоторых глаголов имеют модальные значения, близкие к значениям междометий и частиц. Так, за отдельными лексическими значениями некоторых глаголов в формах повелительного наклонения закрепились значения фамильярного и резко побуждения к энергичному и немедленному действию. Таковы формы: *«давай, дуй, валяй, жги, жарь, шпатель, чеши»* в значении *«действуй немедленно»*. По мнению В.С.Расторгуевой: «Значения наклонений, так сказать, накладываются на значения утверждения или отрицания, которые, собственно говоря, тоже выражают отношение к действительности, но самого общего характера»¹¹. [с. 11, 35,56]. В таджикском языке есть четыре вида таджикских наклонений: сиғаи хабарӣ – изъявительное, сиғаи амрӣ - повелительное, сиғаи шартӣ-хохишмандӣ - условно-желательное и сиғаи эҳтимоли, то есть – предположительное¹² [с. 130]. В таджикском языке, как и в русском, в

¹¹ Расторгуева, В.С. О формах конъюнктива (сослагательного наклонения) в современном таджикском литературном языке. - Очерки по грамматике таджикского языка, вып. 2. - Сталинабад: АН Тадж. ССР, 1953.

¹² Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (барои мактабҳои оли). – Душанбе: Дониш, 1985. - 385 с.

отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц в предложении, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия. Следует отметить, что немаловажную роль в выражении субъективно-модального значения формой повелительного наклонения играет интонация и лексические ударения. Формы повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления:

Утешение: «- *Хотирчам бошед, менависам*» (Ф.Муҳам. Одамони кухна, с. 28). – «- *Будьте спокойны, напишу*»;

Предупреждение: «*Дур-ми, наздик-ми, ба кафе нагардан!*» – «*Далеко ли, близко ли, назад не возвращаться!*»;

Просьба, предложение: «*Шумо аз мева мархамат кунед*» - «*Вы угощайтесь фруктами*»;

Повеление: «*Тез бошед, азизам, зудтар нависед!*» - «*Торопитесь, дорогой мой, быстрее пишите!*» и др.

Оттенки, выраженные формами повелительного наклонения в таджикском языке, зависят также от лексического значения глаголов.

В глаголах условно-сослагательного наклонения таджикского языка различаются четыре формы времени: настоящее-будущее время (аорист); прошедшее время; длительная или вневременная форма; настоящее определенное или продолжительное время. Эти временные формы сослагательного наклонения выражают повеление, условность действия, уступительное значение.

а) настоящее-будущее время, или форма аориста, образуется от основы настоящего времени глагола и соответствующих личных глагольных окончаний. Оно выражает допущение, предположение о том, что может осуществиться что-то неожиданное (с аористом глагола **рафтган** (идти) в 3-ем лице ед. числа). Пример: «*Агар равад, меоварад*» - «*Если пойдёт, то принесёт*» // «*Равад, ин тухфа ба вай маъкул нашавад*» – «*Вдруг этот подарок ему не понравится*».

б) прошедшее время условно-сослагательного наклонения образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола и аориста вспомогательного глагола *будан*: «*рафта бошам, дода боши, амада бошанд*» и т.п. Пример: «*Вай рафта бошад, меоварад*» – «*Если он поехал, то привезёт*».

Основное модальное значение прошедшего времени сослагательного наклонения такое же, как и у форм настояще-будущего времени, но только в аспекте прошедшего времени. Например:

а) при выражении предположения (о прошедшем действии);

б) при недоуменном вопросе о возможности прошедшего действия в сочетании с модальной единицей «*мумкин*» (возможно, вероятно): «*Мумкин вай ба инҳо хабар оварда бошад*» (Х.Карим. Окиуда, с. 10) «- *Вероятно, им весточку доставил он*»;

в) длительная, или вневременная форма образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола с приставкой ме- и вспомогательного глагола *будан*, выступающего в форме аориста: «*мерафта бошам*», «*медода боши*», «*мехонда бошанд*» и т.д.: «*Вай мерафта бошад, ин китобхоро меоварад*» – «*Если он поедет, то привезёт эти книги*».

г) настоящее определенное время образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола и сослагательного наклонения вспомогательного глагола истодан в форме прошедшего времени: «*рафта истода боши*», «*хонда истода бошад*» и т.д. и выражает выполнение действия при определённом условии. Пример: «*Вай хонда истода бошад, халал нарасонед*» – «*Если он читает книгу, не надо его тревожить*».

К числу наиболее поздних таджикских глагольных новообразований принадлежит предположительное наклонение. Этому наклонению нет соответствия в русском языке. По своему модальному значению данное наклонение выражает в таджикском языке предположение, сомнение, неуверенность. В его систему входят три формы: предположительное прошедшее, предположительное настоящее-будущее и предположительное настоящее определенное.

Таким образом, как в русском, так и в таджикском языке субъективно-модальные значения выражаются различными формами глагольных наклонений в сочетании с модальными словами и частицами.

В разделе 2.2. «Модальные слова как средство выражения субъективной модальности» изучены модальные слова как особая лексико-грамматическая категория, которым присущи морфологические, синтаксические, семантические и стилистические признаки. По мнению академика В.В. Виноградов, «возникновение и развитие модальных слов связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения, приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков: возможности, невозможности, сомнения, достоверности и др. Модальные единицы в речи занимают одно из специфических мест для выражения категории модальности и по семантике делятся на следующие группы модальных единиц:

- выражающие разные оттенки отношения высказываемой мысли к действительности, её достоверности, несомненности, истинности: *верно, бесспорно, действительно, правда, несомненно* т.д.
- обозначающие стиль речи, её экспрессию, источник: *по словам кого-нибудь, по слухам, по мнению кого-нибудь*;
- определяющие чувства, переживание: *к сожалению, к огорчению* и т.д.;
- вводные синтагмы, выражающие оценку сообщаемого факта с точки зрения общих категорий: счастья, несчастья, беды и т.д.

Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова и Н.М. Шанский делят модальные единицы по семантическим значениям на две группы:

- обозначающее значение уверенности, несомненности: *конечно, верно, несомненно, действительно, безусловно, разумеется, правда, факт*;
- обозначающее значение возможности и предположения: *по-видимому, вероятно, наверное, кажется, видимо*. В эту же группу включены фразеологические единицы типа: по всей вероятности, должно быть, может быть и т.п.¹³ [с. 381-382].

А.Н. Гвоздев отмечает, что модальные слова состоят из четырех групп:

- модальные слова логического характера, выражающие порядок и взаимоотношения мыслей, их логическую связь (*во-первых, во-вторых, наконец, стало быть, итак, следовательно, вообще, главное, наоборот, кстати, впрочем*);
- модальные слова, выражающие степень уверенности говорящего в достоверности сообщения (*очевидно, верно, по-видимому, безусловно, конечно*);
- модальные слова, выражающие оценку, связанную с волевым и эмоциональным отношением — колебание, удовлетворенность, надежда, опасение (*авось, что ли, право, так сказать, видать, признаться, буквально, разумеется*);
- модальные слова, выражающие побуждение собеседника к тому, чтобы вызвать у него то или иное отношение к сообщению (извините, знаете ли, понимаешь, видите ли, поди и др.)¹⁴ [с. 409-412].

Выявилось, что вводно-модальные слова имеют множество оттенков субъективно-модальных значений: достоверность, возможность, невозможность, сомнение, предположение и т. д. А.Халилов представил несколько групп, опирающиеся на семантику и функции, выполняемым ими в речи:

1. Слова, подразумевающие уверенность: **бигзор** (ладно, хорошо, согласен) – «Бигзор ман дер кунам, аммо туро мебинам» – «Пусть я опоздаю, зато тебя увижу»; **хакикатан** – «Хакикатан, ин корро тез хал кардан лозим» – «Вправду, это дело надо быстро решить» и др.;

2. Слова и словосочетания, подразумевающие неточность, предположение или неуверенность: **гуё** (как будто) – «Гуё, ки барф об шуда истодааст» – «Как будто снег тает»; **бояд, мебоист, боист** (должно быть) – «Бояд муаллим соати 8:00 дар субх ояд» – «Учитель должен в 8:00 утра придти»; и др.

3. Слова, подразумевающие одобрение или удовлетворение: **хайр** – «Хайр, агар мушкил набошад, корро бин» – «Ну, если не сложно, возьмишь за это дело»; **майлаш** – «Ту бие, майлаш, ягон нақша мекашем» – «Ты приди, ладно, придумаем какой-нибудь план»; **хуб** (хорошо) – «Хуб, ман ҳастам дар гапам меистам» – «Хорошо, я обязательно сдержу слово» и т.д.

¹³ Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.Б., Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М.: Учпедгиз, 1958. - 411 с.

¹⁴ Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1, Фонетика и морфология. М.: Либроком, 2015. – 470 с.

4. Слова, подразумевающие изумление или недоумение: ачаб – «Ачаб духтари зебо аз пешам гузашт имрӯ»з – «Удивительно красивая девушка сегодня прошла мимо меня»; ачабо – «Ачабо, ин мардум чи тавр аст» – «Удивительные люди» и т. д.

5. Слова, подразумевающие сожаление: афсус – «Сад афсус, ки модарам ҳамроҳи ман нарафтанд» – «Как жаль, что мама не пошла со мной»; хайф – «Хайфи ёшигиат» – «Увы, жаль твои молодые годы», дарего (к сожалению) – «Дарего, ба Москва наметавонам омадан» – «К сожалению, не смогу приехать в Москву».

6. Слова, подразумевающие последовательность мыслей, различные формы лексического или экспрессивного взаимосвязей предполагаемой мысли к желаемому сообщению: инак - «Инак, шумо ба барномаи мо чи гуфтан доред?» – «Итак, что бы вы хотели сказать о нашей передаче?»; ҳамин хел – «Ҳамин хел, охир, тасдиқи ҳимояамро гирифтаам» – «Вот так, наконец получила подтверждение о защите»;

7. Слова, подразумевающие законченность или итог: вассалом - «Пас гапа кам кунед, вассалом» – «Не говорите лишнего, поставим точку»; тамом – «Ин масъала ҳал шуд, дигар тамом» – «Это дело решилось и все на этом»; бас – «Шумо соғ саломат бошед, бас» – «Вы главное будьте здоровы, вот и все» и др.;

8. Слова, подразумевающие определенную эмоцию: хайрият – «Хайрият, ки ман ба ту занг задам» – «Хорошо, что я тебе позвонила»; хушбахтона / небахтона – «Хушбахтона Александр дар ягончо нагалтид» – «К счастью Александр нигде не упал»; шукр (шукрона) – «Шукрона кунед аз ҳама чизе ки доред» – «Будьте благодарны за все, что имеете»;

9. Слова, подразумевающие мысль, имеющая заключающий оттенок: хулоса – «Гапа бисер накарда хуласашро гӯед» – «Много не говорите, а по сути»; хулласи калом – «Матнро ба хулласи калон нақл нам» – «Расскажи текст в двух словах» и др.

10. Слова или словосочетания, подразумевающие внезапность воспоминания: воқеан – «Воқеан он доруе, ки духтур дод мадад кард» – «Действительно /на самом деле, то лекарство, которое дал доктор помогло»; дар воқеъ – «Мехостам, дар воқеъ бигӯямат, ки туро ба тӯй таклиф намудан» – «Кстати, хотел тебе сказать, что тебя пригласили на свадьбу»;

Во всех этих примерах не сполна раскрыты все способности и многообразие смысловых действий модальных глаголов.

Раздел 2.3. «Модальные глаголы как средство выражения субъективной модальности» посвящен исследованию категорий выражения модальности, как средству выражения субъективной модальности. В таджикском языке довольно часто используются модальные глаголы, многие из них входят в непосредственный состав вокабуляра населения, имеют формы морфологических устоев других глаголов. Отличаются от других, исследуемых языков тем, что не выражают процесс намерения или планирования, а лишь указывают на отношение говорящего к действию. Модальные глаголы употребляются в составе

с различными базовыми глаголами, в результате чего создается целые, независимые члены предложения, выражающие бесспорность, вероятность, желательный исход, необходимость и т.п. Эту тему изучали и развивали весьма авторитетные ученые: Б.С.Сиёев, С.Д.Арзуманов, П.Д.Джамшедов, М.Т.Джабборова, В.С.Расторгуева А.З.Розенфельд и др.

Модальные глаголы таджикского языка, как и русского языка, в сочетании с основными глаголами образуют сложное модальное сказуемое и являются как бы служебной частью при основном глаголе. В русском и таджикском языках выявлены идентичные свойства модальных глаголов, как средств выражения субъективно-модальных значений.

Раздел 2.4. «Союзы как средство выражения субъективной модальности» рассматривает вопросы, связанные с проблемой союзов в сравниваемых языках, являющихся важным средством выражения субъективной модальности. В «Русской грамматике» описываются несколько способов выражения субъективной модальности с помощью союзов:

а) значение обыкновенности, обычности: *«Он солгал нам. Только ложь она и ложь. Все равно выйдет наружу»;*

б) выражается значение согласия, принятия, допущения: *«Глупость сказал, говорит, ты! Ну, сказал и сказал. Что теперь?»;*

в) при вопросительно-относительных предложениях выражают значение множественности при мыслимом перечислении: *«Стал рассказывать всем, где и где он меня искал столько времени»;*

г) значение, выражающее одновременно реализующее и нереализующее состояние, действие в соединениях сказуемых: *«Любил и не любил. Все осталось в прошлом. Надеялся и не надеялся. Что теперь об этом говорить».*

Субъективно-модальные значения выражают сочинительные и подчинительные союзы в составе обособленных членов предложения. Например, союзы хотя, хоть, хотя и, хотя бы, пусть, пусть и, пусть бы выражают оттенок значения уступительного допущения или ирреальной модальности: Было очень сыро и холодно, хотя дождь давно уже прошёл. Союзы таджикского языка могут выражать в предложении различные субъективно-модальные значения. К ним можно отнести следующие слова, которые употребляются в значении союзов: *«кошки, мабодо, рафту, раваду, гӯё, гӯё ки, кани, биё, биёед, мон, монед, биззор, биззор, биззоред»* и др.: *«- Кошки туро хар рӯз медидам – Если бы я каждый день видел тебя».*

Оттенки модальных значений, выражаемых союзами русского языка, преобладают над оттенками модальных значений союзов таджикского языка. Как и другие средства выражения субъективной модальности, союзы играют немаловажную роль в русском и таджикском языках.

Раздел 2.5. «Междометия как средство выражения субъективной модальности» посвящен изучению междометиям как активным элементом разговорной речи. В русском языке междометия составляют большой и весьма богатый пласт слов, которые выражают чувства, эмоции, ощущения, переживания,

волеизъявления, настроения человека. Эмоции бывают положительные (восторг, восхищение, радость, облегчение и др.) и отрицательные (испуг, возмущение, разочарование, сожаление, досада, упрек, недовольство, страх, печаль, неудовольствие, усталость, отказ, укор, стыд и др.) В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой насчитывается 570 междометий. По составу междометия делятся на первообразные (непроизводные) и не первообразные (производные). Они образуются из различных частей речи.

Междометия, выражающие субъективно-модальные значения, можно классифицировать на следующие семантические группы: междометия, выражающие чувства и эмоции; междометия, выражающие оценку состояния; междометия, выражающие волеизъявления, побуждения; бранные междометия; звательные междометия; Самой обширной в русском языке является группа непроизводных междометий, выражающих чувства и эмоции: «*ах, ах ты, ай, ага, ба, бррр, ой, ой; ох, тыфу, увы, уф, фу - ты, ну - ты; эх, ого, то-то*». Они выражают восторг, испуг, возмущение, сожаление, осуждение, страх, печаль, изумление, упрек, стыд, предостережение и др. Например, удивление: «- *Ах, мать божья! Я не знала, что это озеро такое большое и красивое!*»; страх: «- *Ох! Как вы меня напугали, братец почтеннейший! Уж как вы страшны, право!*».

Итак, субъективно-модальное значение в речи выражается множеством междометий, которые отражают отношение говорящего к высказыванию. В таджикском языке междометия также выражают субъективно-модальные значения. Они выражают эмоции, волеизъявления, этикетные приветствия, пожелания. С помощью междометий говорящий выражает радость, восхищение, веселье, одобрение, восторг, удовлетворение, страх, испуг, возмущение, негодование, недовольство и т.д. По происхождению они делятся, как и в русском языке, на производные и непроизводные.

Непроизводные междометия – это слова, которые не имеют никакого отношения ни к одной части речи и состоят из одного или двух слов. К непроизводным междометиям таджикского языка относятся следующие междометия: «э, о, эх, ух, эй, оббо, уббо, вах, вох, вай-вай, бах, вой, эхе» и др.: «О, вах! Имруз мо бо дустанамон ба концерт меравем! / «Ух ты! Мы сегодня с друзьями пойдем на концерт!». В данных предложениях выражаются эмоции радости, удовлетворение говорящего. Следует отметить, что большинство междометий имеют неопределённое значение и демонстрируют полную семантическую зависимость от контекста, они могут выражать различные эмоции говорящего: «Вах, чи шуд, Ту ин қадар бахаяҷон менамон? / «Ах, что случилось, ты выглядишь очень обеспокоенным?»».

В целом междометия представляют собой результат сложных психических процессов, выражающих эмоции человека. В результате эмоции дают оценку состоянию субъекта, его отношению к своему высказыванию, то есть выражают субъективно-модальные значения.

В заключении излагаются основные выводы проделанной работы:

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ:

1. *Негматова, С.М.* Частицы как средство выражения субъективности модальности / С.М.Негматова // Вестник ТГПУ им. С. Айни, № 1 (90), 202, - С. 83-91.;
2. *Негматова, С.М.* Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности / С. М. Негматова // Вестник ТГПУ им. С. Айни, № 2 (90), 2021, - С. 83-91;
3. *Негматова, С.М.* Некоторые дискуссионные вопросы исследования модальности в лингвистике /С.М.Негматова// Вестник Таджикского национального университета. - Душанбе, 2021, № 3, С. 139-146

Подписано в печать __.11.2021. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman Tj.
Усл. печ. л. __,__. Тираж _00 экз. Заказ №__.

ООО “ЭР-граф”.
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com